

Дания Хайбуллина исполняет Первый концерт Чайковского.
Фото предоставлено ГФЭК

Глазунов и Чайковский

В самом начале лета, 1 июня, если быть точнее, в Государственной филармонии Алтайского края состоялся очередной концерт Симфонического оркестра. Он был целиком посвящен русской музыке XIX века — произведениям Александра Глазунова и Петра Чайковского. Дирижировал Дмитрий Лузин. Во втором отделении концерта принимала участие пианистка Дания Хайбуллина

текст **Олег КОВАЛЁВ**

Должен признаться, что внимание мое первоначально привлекла заявленная в программе Пятая симфония Глазунова — одно из лучших произведений композитора, которого не так уж часто современные музыканты включают в свой репертуар. Мне казалось интересным понять, как сейчас, в современной ситуации воспринимаются глазуновские величие, эпическая мощь и широта. Ведь одно дело слушать запись, сделанную где-то и когда-то, и совсем другое — воспринимать ее здесь и сейчас.

Но более яркое впечатление — нежданно-негаданно — я получил от сверхпопулярного Первого фортепианного концерта Чайковского. Тем и хороши неожиданные впечатления, что они непредсказуемы, они — как подарок судьбы. Думаю, дело было прежде всего в солистке — молодой пианистке из Новосибирска, которой удалось освежить, казалось, бесповоротно заигранное произведение. Дания Хайбуллина — выпускница

Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки 2020 года, ученица хорошо известного и почитаемого в Барнауле педагога Мери Симховны Лебезон (1931–2020). А вообще, она родом из Семипалатинска, где в 1999–2006 годах училась в Татарской школе искусств. За время обучения Дания не раз становилась лауреатом международных и республиканских конкурсов. Хотя молодая пианистка не в первый раз выступала с нашим оркестром, лично мне, к стыду моему, не доводилось раньше слышать ее игру.

Исполнение ею Концерта Чайковского было интересным — именно так лучше всего обозначить то, что происходило для меня в филармонии в этот вечер. Что изменилось в Концерте? В нем ясно и ярко проявилось что-то домашнее, задушевное, чувствительное, нежное — именно те качества русской музыки, о которых писал Борис Михайлович Гаспаров в своей книге «Пять опер и симфония. Слово и музыка в русской культуре»:

«Есть в этой музыке что-то уютно экспрессивное — даже в музыке нарочито вызывающего или саркастического характера». Конечно, ни сарказмов, ни вызывающего в Концерте Чайковского нет (в приведенной цитате речь идет о русской музыке в целом), но «уютная экспрессивность» — выражение, которое идеально подходит к сыгранному в этот вечер Хайбуллиной Концерту.

Итак, это была встреча со старым знакомым, в котором что-то неуловимо изменилось. Тебе казалось, что ты его хорошо знаешь, никаких сюрпризов новая встреча не сулит, но вот увидел ты его после долгого перерыва — и удивился. Несмотря на прошедшие годы, он посвежел, в нем открылась какая-то притягательная, почти детская наивность, которой ты раньше не замечал. И ты понимаешь, что он тебе все-таки близок и дорог.

Может быть, и последние события сказались как-то на восприятии Концерта — чудовищные попытки отмены русской культуры, одним из главных символов которой является Чайковский.

Несомненно, в какой-то степени повлияла на восприятие Концерта Чайковского и предшествовавшая ему эпическая мощная Симфония Глазунова. На ее фоне концертность произведения Чайковского неизбежно должна была казаться несколько детской — с ее игривостью, с ее пугливостью, моментами созерцания, томной неги, с ее задумчивостью.

В исполнении Дании Хайбуллиной привлекает именно стиливая определенность, своего рода ясность высказывания. Ее версия Концерта отличалась несомненным своеобразием, «лица необщим выражением», если использовать выражение Евгения Баратынского.

В последние годы концертная жизнь подвергается серьезным испытаниям, проверке на прочность — как со стороны пандемии, так и на фоне разрыва (временного — я уверен!) культурных связей, складывавшихся многими десятилетиями.

В новой ситуации произведения русской музыки неизбежно должны восприниматься как-то по-другому, ведь заново актуализировались вопросы, связанные с нашей идентичностью, с нашим культурным наследием, его актуальностью, нашей способностью всмотреться в свои истоки, периодически перечерчиваемые, отвергаемые, осмеиваемые (чего стоит глумление над «Лебединым озером», которое после 1991 года приобрело поистине ритуальный характер).

Участь русской музыки, увы, такова, что периодически приходится думать о необходимости ее возрождения, о несправедливо забытых именах. В свое время настоящим энтузиастом возрождения этой области русского искусства был дирижер Евгений Светланов, сделавший полную запись всей русской симфонической музыки. Из западных дирижеров колоссальное собрание русской симфонической музыки на дисках оставил эстонский дирижер Неэме Ярви. Полное собрание симфоний Глазунова сделал Геннадий Рождественский.

И вот хороший повод задуматься об Александре Константиновиче Глазунове — великом композиторе, неведомом большей части наших соотечественников. В чем его значение, есть ли шанс у него быть услышанным — не то что широкой публикой (об этом и говорить как-то смешно и неловко), а хотя бы посетителями симфонических концертов, на худой конец, самими музыкантами.

В отличие от Чайковского, который давно уже благополучно пережил деконтекстуализацию своего творчества (то есть доказал свою способность восприниматься вне исторического контекста и, например,

в середине XX века звучал не менее весомо и убедительно, чем в конце XIX века), Глазунов во многом остался в своем времени. Даже, пожалуй, он ассоциируется преимущественно с эпохой, предшествующей написанию его наиболее капитальных вещей (Пятая симфония, например, это 1895 год) — кажется, что он плоть от плоти царствования Александра III (1881–1894), эпохи стабилизации и консерватизма, тяжеловесности и некоторого культурного застоя.

Из симфоний Глазунова для концерта была выбрана наиболее известная, даже хрестоматийная монументальная Пятая симфония, и оттого задача, поставленная перед музыкантами, была особенно сложной. С Глазуновым есть некоторая опасность впасть в формальный, заказной и казенный патриотизм — как-то русскому человеку, по природе своей самокритичному и в себе неуверенному, несвойственный.

Странный выбор не значит неправильный. Ведь, наверное, самый шик для музыкантов — взять вещь абсолютно, кажется, неактуальную и заставить ее прозвучать так убедительно, чтобы все просто ахнуло и казалось — именно для нас и про наше время написана эта музыка.

Увы, с Глазуновым так не получилось, хотя надо отдать должное дирижеру Дмитрию Лузину — музыкальные программы у него часто бывают и смелые, и неожиданные. И на этот раз замысел был весьма интересен.

Попробуем представить себе идеального слушателя симфонии Глазунова — композитора, который не стремился ни взволновать, ни растрогать, ни, тем более, испугать, композитора, который не стремился открыть новую страницу в истории музыки, который собирает, а не разбрасывает, как бы подытоживает формирование общего русского стиля из того, что делали до него М.И. Глинка, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков, П.И. Чайковский. Он сглаживает противоречия, соединяет разнородные элементы в единой конструкции.

Для сравнения: современниками Александра Глазунова, родившегося в 1865-м, были Густав Малер (р. 1860), Рихард Штраус (р. 1864), Клод Дебюсси (р. 1862). Подобно последнему, кстати, он стремился противостоять захлестнувшей европейскую музыку мощной вагнеровской волне, делал это, опять-таки подобно Дебюсси, опираясь на сложившиеся в XIX веке национальные традиции, но не так новаторски, как автор «Пеллеаса и Мелисанды».

Идеальный слушатель Глазунова — это человек, который угадывает истоки отдельных элементов, складывающихся в его стиль, и получает наслаждение, видя, как создается из них гармоническая конструкция. Слушатель Глазунова — человек, способный наслаждаться этим целым, этой конструкцией.

Пятая, может быть, особенно разнообразна и равновесна из симфоний Глазунова — здесь и богатырская мощь, эпический размах, и тонкая лирика, и игривая — не без сказочной фантастики — скерцозность и полифоничность. Наверное, симфонию Глазунова, так же легко испортить при исполнении, как, например, симфонию Брамса, где главное — не отдельные эффектные места, а выверенность и стройность целого.

Лучше всего, на мой взгляд, у музыкантов получились вторая часть — скерцо, и праздничный, триумфальный финал.

Как бы то ни было, симфонический сезон 2021–2022 года подошел к концу. Будем с интересом следить за новыми концертами, новыми программами, ждать выступлений новых и старых гастролеров. Пожелаем музыкантам успехов в новом сезоне! ❏